

ТОТ, КТО ВЫКЛЮЧАЕТ СНЫ

ИИ

Наталья Серебряная

Наталья Серебряная

Тот, кто выключает сны

«Автор»

2026

Серебряная Н.

Тот, кто выключает сны / Н. Серебряная — «Автор», 2026

Что, если ради безопасности у людей отнимут сны — а вместе с ними способность выбирать? В Люмине ночь включают по расписанию, а бодрствование объявили единственным способом выжить. Лев, ночной техник, привык заглушать переживания — пока критический режим не лишает город снов. Запертые в нижнем кольце, он, Ина и Миро должны выяснить, что происходит, когда исчезает граница между страхом и явью. Путь ведет Льва в архив забытых снов и к правде о цене безупречного порядка. Чтобы изменить будущее, ему придется признать свою долю ответственности и действовать, даже если страх не отступает. Фантастическая история для тех, кто любит атмосферные миры и ищет путь к себе. Она напоминает: сила — не в подавлении боли, а в умении слышать себя, обозначать границы и просить о помощи. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Серебряная Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Город, который боялся засыпать	6
Ночной техник и кнопка тишины	11
Сон, из которого не просыпаются	15
Девочка, которой никогда не снилось	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Серебряная

Тот, кто выключает сны

Тот, кто выключает сны

Наталья Серебряная

Город, который боялся засыпать

Лев закрыл ладонью индикатор, прежде чем тот успел мигнуть красным.

На площади Люмине ночь не наступала. Ее включали по расписанию.

В два часа семнадцать минут небоскребы сменили освещение: верхние этажи погасли, нижние залились мягким янтарным светом. Так город изображал отдых, не позволяя себе уснуть. В каждом окне оставалась видна хотя бы одна лампа. На перекрестках поворачивались рекламные панели, и их сияющие лица приветствовали прохожих одинаковыми улыбками.

«БОДРСТВОВАТЬ — ЗНАЧИТ БЫТЬ В БЕЗОПАСНОСТИ», — сообщил экран над остановкой.

Лев вздохнул и подтянул ремень сумки с инструментами. Под воротником щекотало от пыли, а в правом ухе зудел служебный приемник. Он снял его на три секунды.

Гул улиц стал глубже.

Лев застыл, прислушиваясь. Ему всегда казалось, что в этой низкой ноте есть что-то живое: не мелодия, не шум двигателя, а протяжное дыхание огромного существа. В инструкции запрещалось отключать приемник во время ночного дежурства. Даже на несколько секунд. Лев знал это и все равно каждый раз отстегивал наушник, когда оставался один.

Он вернул его на место. Индикатор снова загорелся зеленым.

— Все в порядке, — пробормотал он, не уточняя, кому именно.

На площади работали три звуковые колонны. Лев открыл сервисный люк в основании ближайшей и проверил крепления. Внутри пульсировали полосы света: частота, температура, питание, синхронизация с центральной станцией. Все показатели держались в норме. Он записал их в планшет, очистил контакт от серого налета и уже собирался закрыть крышку, когда из-за остановки донесся короткий смешок.

Двое школьников в одинаковых куртках поспешно посмотрели по сторонам. Один прикрыл рот ладонью.

— Тише, — сказал второй. — Нас услышат.

— Я не смеялся.

— Вот и хорошо.

Они зашагали к учебному корпусу. На спинах светились нашивки: «Ночной учебный цикл. Внимание — наша ответственность». Лев проводил их взглядом и подумал, что в их возрасте сам еще верил надписям на стенах.

По краю площади двигались дежурные. У каждого на запястье горел зеленый индикатор бодрствования. Женщина с корзиной остановилась у автомата и купила чашку горького напитка. Сделав глоток, она прикрыла рот, словно боялась, что вместе с паром наружу вырвется зевок. За ней стоял мужчина в рабочей форме. Он незаметно ущипнул себя за запястье и расправил плечи.

К рассвету на перекрестках должны были открыть пункты выдачи бодрости. Очереди там выстраивались еще до включения вывесок. Каждому полагалась обязательная доза, отмеченная в городском реестре. Отказ считался нарушением режима, а пропуск — поводом для проверки.

Никто не называл это наказанием. Говорили: профилактика.

Над колонной вспыхнуло объявление:

«СОН СНИЖАЕТ ТОЧНОСТЬ РЕШЕНИЙ. НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ УСТАЛОСТИ».

Лев отвернулся к инструментам. Пальцы работали привычно, а мысли цеплялись за слово «сон», будто оно было занозой. Он не помнил, когда в последний раз произносил его вслух. В Люмине о сне говорили осторожно, с оговорками, словно речь шла о заразной болезни.

На середине площади стоял мальчик лет десяти. Он был в школьной куртке с расстегнутым воротником и держал в руках бумажный стакан. Рядом женщина, вероятно его мать, перебирала на планшете какие-то сообщения.

Мальчик покачивался на пятках.

— Миро, не вертись, — сказала женщина, не поднимая глаз.

— Я не верчусь.

— Тогда стой ровно.

— Я стою.

Он произнес это слишком медленно. Голова его клонилась вперед. Женщина наконец посмотрела на него и нахмурилась.

— Ты принимал вечернюю порцию?

Миро кивнул, но неубедительно.

— Я проглотил.

— Покажи браслет.

Он протянул руку. Индикатор на браслете мигнул желтым, потом зеленым. Женщина с облегчением выдохнула, поправила ему воротник и снова уткнулась в планшет.

Лев заметил, как мальчик сжал бумажный стакан. На его пальцах выступили белые пятна. Ветер шевельнул рекламные ленты над площадью, и вместе с ними качнулись тени от световых вывесок.

Гул улиц не изменился. Ровный, низкий, настойчивый. Лев слышал его даже через наушник.

Миро уронил стакан.

Тот покатился по плитам, оставляя за собой тонкую полоску напитка. Мальчик шагнул вслед, но не удержался на ногах. Сначала опустился на одно колено, будто завязывал шнурок. Потом лег щекой на холодный камень.

Женщина вскрикнула.

— Миро!

Она бросилась к нему и перевернула на спину. Мальчик не отвечал. Его ресницы дрогнули, губы слегка приоткрылись.

Толпа замерла. Кто-то отступил, кто-то вытащил телефон. Дежурные уже бежали через площадь.

— Не трогайте его! — крикнул один из них. — Освободите место.

— Он дышит, — сказала женщина. — Он просто устал.

— Не используйте это слово.

Лев поднялся из-за колонны. Он почувствовал, как тело само напряглось, словно перед ударом. В наушнике зазвучал голос диспетчера:

— Площадь Восточных ворот, подтвердите обстановку.

Лев не ответил. Он смотрел на мальчика.

Миро лежал неподвижно, а его пальцы медленно разжимались. На лице разглаживалось напряжение, державшее его с самого начала смены. Исчезла привычная гримаса усилия, с которой люди в Люмине делали вид, что им не хочется закрыть глаза. Мальчик словно наконец перестал удерживать себя на поверхности.

И тогда городская музыка сбилась.

Не громко. Не так, чтобы любой прохожий сразу понял, что произошло. Просто низкая нота на мгновение поднялась выше, зацепилась за невидимый край и оборвалась. За ней последовала короткая, невозможная тишина.

Рекламные панели одновременно погасли.

Улыбки на сотнях лиц исчезли, оставив темные стекла. Уличные лампы моргнули. На площади кто-то вскрикнул, и этот звук прозвучал так отчетливо, будто город впервые за много лет оставил для него место.

Лев выхватил измеритель из сумки.

Прибор показывал скачок сигнала, затем провал. Пять секунд. Может быть, шесть. Потом график снова выровнялся, и гул вернулся, ровный, знакомый.

Но Лев успел услышать другое.

Не тишину даже. Вдох.

Миро шевельнулся и открыл глаза.

Женщина прижала его к себе. Дежурный уже доставал из пояса медицинский ингалятор.

— Не надо, — прошептал мальчик.

— Тебе станет легче, — быстро сказала мать.

— Не надо.

— У него был сбой бодрствования, — вмешался дежурный. — Сейчас проведем стандартную процедуру.

— Он ребенок.

— Именно поэтому процедуру нужно провести немедленно.

Миро снова попытался подняться. Лев шагнул ближе и присел рядом, не касаясь его.

— Ты слышишь меня? — спросил он.

Мальчик кивнул. Его взгляд был расфокусированным, но не испуганным. Он смотрел на Льва так, будто тот стоял далеко-далеко, по другую сторону прозрачной стены.

— Где ты был? — спросил Лев.

Дежурный резко обернулся:

— Не провоцируйте его.

Миро ответил сам:

— У воды.

Толпа зашевелилась. Женщина крепче обхватила его плечи.

— Какой воды? — спросил Лев.

Мальчик сглотнул. На его ресницах блеснула влага.

— Там было большое море. Оно двигалось. Не как река, а целиком. Сначала поднималось, потом опускалось. И на берегу были камни. Белые, с дырками.

— Ты видел это где-то в учебнике? — спросила мать. Она старалась говорить спокойно, но голос у нее дрожал.

— Нет.

— В фильме?

— Не знаю.

— Миро, — сказал дежурный, — сосредоточься на моем голосе. Сколько пальцев ты видишь?

Мальчик не посмотрел на протянутую руку.

— Там пахло солью, — продолжал он, обращаясь к Льву. — Я знал, что это соль, хотя никогда ее не пробовал. И когда волна возвращалась, на песке оставались маленькие блестящие штуки. Как будто небо упало и рассыпалось.

В толпе стало тихо. Кто-то уронил сумку. Кто-то шепотом повторил слово «море», словно проверял, не изменится ли оно во рту.

Женщина потянулась к лицу сына и провела большим пальцем по его щеке. Он улыбнулся ей едва заметно, и в этой улыбке было столько покоя, что Леву на мгновение стало больно.

— Ты там был? — спросил мальчик.

— Где?

— На берегу. Ты же знаешь, о чем я.

Лев не ответил.

Из ингалятора вырвалось шипение. Миро вздрогнул и вцепился в рукав матери.

— Подождите, — сказал Лев. — Ему нужно несколько минут.

— Врачебные решения принимают специалисты, — отрезал дежурный.

— Я техник. Могу подтвердить, что на площади был перепад в сети. Возможно, его состояние связано с импульсом. Подождите, пока я проверю оборудование.

Лев сам не понял, почему солгал так уверенно. Перепад действительно был, но это ничего не объясняло. И все же дежурный опустил ингалятор. Ему тоже не хотелось становиться человеком, который первым применит силу к ребенку.

Пока мужчина вызывал медицинскую бригаду, Лев вернулся к колонне. Открыл нижний люк и подключил переносной терминал. Внутри световые полосы уже показывали штатный режим. Только в журнале сохранилась короткая запись, выведенная серым:

«КОРРЕКЦИЯ ФАЗЫ: 5,8 СЕКУНДЫ. ПРИЧИНА НЕ УСТАНОВЛЕНА».

Лев раскрыл техническую схему. Колонна передавала звук в городской контур и принимала ответный сигнал от станции. Он обслуживал такие узлы почти четыре года. Всегда считал их регуляторами нагрузки: они выравнивали шум, не давали транспортным системам перегружать кварталы, удерживали ночной порядок.

Но на дополнительной вкладке, доступной только техникам, стояло название, которого он раньше старался не замечать:

«КОНТУР НЕПРЕРЫВНОГО БОДРСТВОВАНИЯ».

Ниже шел график. Вдоль волны располагались короткие импульсы, повторявшиеся с точностью метронома. Они не позволяли звуку раствориться, не давали ему уйти в тишину. Лев посмотрел на линии и вдруг понял, что знает их назначение не хуже, чем собственное имя. Просто до этой минуты не соединял слова с тем, что они делали.

Система не только напоминала горожанам, что спать опасно.

Она не давала им провалиться в сон.

Лев закрыл схему. На экране терминала отражалось его лицо: усталое, чужое, освещенное зеленым светом. Он хотел позвать кого-нибудь, поделиться догадкой, но не нашел слов, которые не превратили бы ее в обвинение.

Гул поднялся на прежнюю ноту. Вновь заработали панели, и улыбки вернулись разом, словно их включили одним выключателем.

Медики унесли Миро на носилках. Мальчик уже не сопротивлялся. Мать шла рядом, держась за его руку. Перед тем как скрыться за дверями медицинского транспорта, он повернул голову к Льву.

— Там не было стен, — сказал он.

Лев поднял руку, но машина закрылась.

Площадь постепенно вернулась к распорядку. Люди снова двинулись по своим маршрутам. Дежурные попросили очевидцев не распространять неподтвержденные сведения. Женщина у автомата выбросила недопитый напиток и купила новый. На рекламной панели улыбающийся мужчина призывал горожан сохранять ясность мысли.

Лев убрал приборы в сумку. Его пальцы дрожали, и он спрятал их в карманы.

Оставшиеся часы смены он обходил площадь, прислушиваясь к каждой колонне. Никаких сбоев. Никаких всплесков. Никакого дыхания. Город гудел, будто ничего не случилось.

Утром в пунктах выдачи уже выстроились очереди. Люди принимали обязательную дозу бодрости и расписывались на экранах. Те, кто задерживался, получали напоминание о возможном нарушении режима. Лев прошел мимо, не замедляя шага. Он почувствовал легкую пустоту в животе и вспомнил, что давно не ел, но голод показался простым и честным по сравнению с новым вопросом, поселившимся в голове.

Перед концом смены он открыл личный канал. Сообщение от диспетчера пришло без звукового сигнала:

«ТЕХНИК ЛЕВ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ. НЕИСПРАВНОСТЬ НОЧНОГО КОНТУРА. ПРИБЫТЬ НЕМЕДЛЕННО».

Он перечитал уведомление. Ночной контур. Центральная станция.

Затем экран мигнул, и ниже появилась вторая строка:

«До прибытия не отключать систему вручную».

Лев посмотрел на сервисный ключ в ладони. На его конце темнела царапина, похожая на тонкую волну.

Город продолжал бодрствовать. Но где-то в его глубине уже что-то проснулось.

Ночной техник и кнопка тишины

Лев убрал сервисный ключ во внутренний карман и вышел к служебному лифту. В коридоре никто не обернулся. Люди спешили к вечерним процедурам: сдавали на постах браслеты дневной активности, получали инструкции на ночь, проверяли, сколько часов отдыха им назначено. Город не умел засыпать сам. По крайней мере, так говорили в учебных материалах.

Лифт спускался под транспортный пояс. На каждом уровне стены меняли цвет: белый — жилые блоки, синий — технические тоннели, серый — центральная станция. Лев знал этот маршрут наизусть. На третьем пролёте он проверил фонарь, на пятом — закрепил на поясе измеритель вибрации. На восьмом приложил ключ к считывателю и дождался трёх коротких импульсов. Если прибор отвечал двумя, значит, ночной контур уже терял связь с городскими узлами. Если четырьмя — кто-то работал на линии без допуска.

Лифт ответил тремя.

Пока.

Центральная станция встретила его сиреной. Звук был таким громким, что на вдохе свело горло. Красные полосы вспыхивали вдоль потолка, а над главным пультом бежала строка:

«НАРУШЕНИЕ НОЧНОГО КОНТУРА. ПЕРЕГРУЗКА КАНАЛА СНА».

Лев не бросился к пульту. Сначала сделал то, чему его учили в первый месяц службы: остановился, выровнял дыхание, посмотрел на общую схему. В большой аварии спешка не помогала. Она только заставляла человека поверить первому громкому сигналу.

Все городские узлы светились ровным синим. Давление в магистралях было штатным. Температура передатчиков не превышала нормы. На карте не было ни одной зоны, где поток сна оборвался бы или начал перегреваться.

Лев достал измеритель вибрации и прижал к корпусу центрального распределителя. Прибор выдал спокойную линию.

Никакой перегрузки.

Сирена продолжала выть.

— Центральная, это Лев. Вижу тревогу, но физических отклонений нет. Подтвердите статус.

Ответ диспетчера пришёл с задержкой, тонкий и металлический:

— Техник, система требует немедленно подтвердить аварийный протокол. По инструкции не отключать вручную.

— Я читаю инструкцию.

— Причина не установлена.

— Причины пока нет. Есть сигнал.

Диспетчер промолчала. Потом сказала:

— Не вскрывайте главный пульт.

Лев посмотрел на красную строку. Слова «перегрузка канала сна» мигнули и сменились цифрами обратного отсчёта. До подтверждения протокола оставалось две минуты сорок секунд.

Он открыл боковой шкаф и снял пломбу собственного доступа. Внутри лежали диагностические кабели, два изоляционных зажима, оптический зонд и бумажная карточка с порядком проверки. Бумагу на станции сохраняли не из любви к старине: экран мог погаснуть, сеть — замкнуть кольцо, а инструкция на тонком пластике хотя бы не зависела от питания.

По процедуре сначала проверяли обходную линию, затем считывали журнал команд, затем звонили диспетчеру. Если система не показывала сбоя, следовало переходить к ручному узлу запуска.

Лев подключил зонд к нижнему разъёму. На экране всплыла история последних команд. Час назад — плановая калибровка. Двадцать минут назад — проверка городских передатчиков. Шесть минут назад — запуск аварийного сигнала.

И ещё одна команда, которой здесь не должно было быть:

«ПОЛНАЯ ТИШИНА. РУЧНОЙ ЗАПУСК. ОЖИДАЕТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ».

Лев пересчитал строку.

— Диспетчер, на пульте запрос режима полной тишины. Это вы?

На этот раз ответ пришёл сразу:

— Не подтверждаю.

— Кто запустил?

— В журнале указан неизвестный оператор.

Сирена взывала сильнее. Лев заметил, что звук шёл не из аварийных динамиков. Его производил распределитель команд — тот самый блок, который обычно передавал в дома тихий ночной ритм. Сирена не оповещала о поломке. Она сопровождала попытку включить тишину и должна была заставить техника как можно быстрее остановить опасный режим.

Вот только опасность на панели была выдуманной.

Лев отсоединил зонд, перешёл к главному пульту и открыл крышку. Под ней расположились три ряда механических клавиш, почти никогда не использовавшихся. Старое оборудование оставили на случай отказа цифровой системы. На корпусе каждой клавиши были выгравированы названия: «Аудиоканал», «Синхронизация», «Тишина».

Последняя была крупнее остальных. Красная, гладкая, с надписью под прозрачным защитным слоем:

«ПОЛНАЯ ТИШИНА: ОТКЛЮЧЕНИЕ ГОРОДСКИХ ЗВУКОВЫХ СИГНАЛОВ И ПЕРЕДАЧИ СНОВ».

Ночной контур не создавал сны, хотя рекламные ролики обещали горожанам спокойную ночь под его надёжной защитой. Он собирал сигналы браслетов, сглаживал тревожные всплески и возвращал в жилые блоки общий ритм. Потоки назывались передачей снов. В отчётах писали: «снижение ночной нестабильности на двенадцать процентов». В детских буклетах говорили, что так людям легче отдыхать.

Кнопка прекращала не только звук сирены. Она обрывала все сигналы между станцией и спящими домами.

Тишина обещала облегчение. Не условное, не временное. Настоящее: ни тревожных вызовов, ни чужих голосов, ни ночных импульсов, которые будили человека изнутри и оставляли утром без объяснения. Один нажим — и всё, что требовало внимания, переставало до него доходить.

Лев знал, как легко поверить в такое обещание.

После исчезновения брата он несколько недель не мог спать без включённого света. На вторую ночь Саша не вернулся домой, Лев подписал согласие на ограничение ночных передач и устроился в службу контура. Он тогда говорил себе, что это разумный шаг: понять систему, которая поможет ему спать, и не дать другим ночам превратиться в бесконечный поиск. Утром после подписания Сашина чашка всё ещё стояла на столе. На дне застыл мёд — брат всегда забывал размешать его до конца.

Лев положил палец на кнопку.

Сирена ударяла в грудь. В ушах стоял тонкий звон. На главном экране мигали строки, требующие подтверждения, и весь пульт словно ждал, что он наконец перестанет сомневаться. Даже красный свет от кнопки казался успокаивающим. Нажми. Пусть стихнет. Потом разберётся.

На полированной поверхности он увидел своё отражение: сжатую челюсть, напряжённые плечи, пальцы, побелевшие на краях перчаток. Не спокойного специалиста, которому нужна

ещё одна инструкция. Испуганного человека, готового выключить всё, лишь бы на несколько секунд не слышать, как ему страшно.

Лев отдёргнул руку.

— Я не подтверждаю полный режим, — сказал он в канал.

— Техник, зафиксируйте причину отказа, — ответила диспетчер. — Станция требует немедленного решения.

— Станция не требует. Система требует.

— Разница не предусмотрена протоколом.

— Значит, протокол неполный.

Он услышал, как диспетчер втянула воздух. Потом связь оборвалась и снова восстановилась.

Лев вернулся к открытому шкафу. Нужно было остановить сирену, не прерывая передачу. Для этого служил отдельный сервисный переключатель локального оповещения. Он отключал динамик станции, но оставлял активными сигналы датчиков и городские линии. Никакой полной тишины. Только меньше шума, пока он работает.

Лев переключил канал и закрепил зажим на контрольном проводе. Сирена оборвалась резко, как если бы кто-то закрыл дверь в соседнюю комнату. Тишина не наступила: остались низкий гул трансформаторов, шорох вентиляции и щелчки реле. Но тело немедленно отозвалось облегчением. Плечи сами собой опустились.

Он не осудил себя за это. Облегчение было настоящим. Как и сирена. Просто одно не доказывало, что второе можно уничтожить одной кнопкой.

На экране показался журнал доступа. Лев увеличил записи и нашёл строку ручного запуска. Код состоял из трёх частей: номер сектора, одноразовый ключ и короткая метка оператора. Номер сектора был ему знаком — S-4, закрытая нижняя галерея. Одноразовый ключ система выдала восемь минут назад. Метка выглядела как «А-17», хотя такого обозначения в нынешнем реестре не было.

Код был устаревшим. Его не использовали после последнего обновления станции.

Лев поднял голову и оглядел пульт. В защитной рамке над терминалом белела свежая царапина. Края металла блестели, как после недавнего движения отвёртки. Рядом, на боковой панели, висела пломба. Она была надрезана и снова прижата к корпусу, но прозрачная полоска ещё не успела высохнуть. Кто-то вскрывал доступ вручную, а потом пытался сделать вид, что не трогал его.

— Диспетчер, обнаружен физический доступ к панели, — произнёс Лев.

Он замолчал. На экране мигнула кнопка «Передать полный отчёт». Стоило нажать, и система отправила бы не только его слова, но и фотографии царапины, надрезанной пломбы, старого кода. Служба безопасности приехала бы через несколько минут. Следом явился бы начальник смены. Они запечатали бы сектор S-4, изъяли бы записи и объявили происшествие технической ошибкой, пока не выяснят, что именно произошло.

— Уточните состояние повреждения, — попросила диспетчер.

Лев посмотрел на строчку старого доступа.

— Пока не подтверждено, что повреждение связано с запуском.

Это была не ложь. Только не вся правда.

— Вы нашли нарушенную пломбу? — спросила диспетчер.

Лев провёл пальцем по надрезанному краю. Клей тянулся за перчаткой тонкой ниткой.

— Проверяю корпус.

Он не нажал «Передать полный отчёт». Вместо этого сохранил снимки во внутреннюю память сервисного ключа. Если ключ оставался при нём, запись не уходила автоматически в общий архив. Он знал, что нарушает порядок. Знал и то, что система не ошиблась случайно:

кто-то пришёл сюда, открыл закрытый доступ и запустил режим, который мог отсоединить весь город от его снов.

Лев закрыл крышку шкафа, но пломбу не тронул. Потом установил пульт в режим диагностического удержания. Обратный отсчёт замер на минуте и семнадцати секундах. Красная строка исчезла; вместо неё появилась надпись:

«ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ОТЛОЖЕНО. ОПЕРАТОР: ЛЕВ».

Теперь система знала, кто задерживает запуск. Это было разумно с точки зрения протокола и неприятно с точки зрения безопасности.

— Передайте в отчёте, что ручной режим остановлен до выяснения причин, — сказала диспетчер.

— Передам.

— И не покидайте центральный пост.

Лев ничего не ответил. Он уже смотрел на карту нижних уровней. Сектор S-4 находился за старой насосной галереей, ниже ремонтного кольца. В документах он значился пустым: оборудование демонтировано, доступ закрыт, постоянный мониторинг отключён одиннадцать лет назад. Туда не выводили камеры и не прокладывали линий связи. Вход закрывала тяжёлая гермодверь с механическим замком.

Именно оттуда пришёл код.

Лев отключил внешний канал вызова, оставив передатчик готовым к срочному сигналу. Это тоже было нарушением: диспетчер должна была знать, куда он идёт. Он поднял сумку с инструментами, прихватил диагностический кабель и проверил аварийный маяк на рукаве. Маяк мигнул зелёным.

Путь к S-4 занимал семь минут. Лев прошёл через кольцевой коридор, затем спустился по лестнице, где лампы загорались с задержкой. На стенах сохранились старые стрелки: «ВОДА», «ЭНЕРГИЯ», «СОННЫЙ КАНАЛ». Последняя табличка была перечёркнута серой краской, но буквы проступали сквозь неё.

У гермодвери висела табличка с номером сектора и отметкой: «ПОМЕЩЕНИЕ НЕ ИСПОЛЬЗУЕТСЯ». Внизу был указан срок последней проверки — одиннадцать лет назад.

Лев подключил кабель к замку. На считывателе вспыхнуло сообщение:

«ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН. ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО НЕ ПОДКЛЮЧЕНО».

Он снял перчатку и приложил ладонь к двери. Холодная сталь отдавала слабой вибрацией — не машинной. Скорее, будто за стеной вращался старый вентилятор, хотя по плану там не осталось ничего, что могло бы работать.

Лев уже собирался проверить замок механическим ключом, когда за дверью раздался стук.

Один удар.

Он был глухим и коротким. Лев застыл, не убирая ладони.

Второй прозвучал через несколько секунд.

Потом третий.

Ровные промежутки. Не случайный шум трубы и не осыпавшийся крепёж. Стук, похожий на сердцебиение.

Лев посмотрел на экран. Сектор по документам был пуст. Внутренних линий в нём не существовало. Никакой передачи система оттуда принимать не могла.

А стук повторился.

Сон, из которого не просыпаются

Третий удар прозвучал, когда Лев уже повернул ключ.

Он замер. Металлическая дверь дрогнула под ладонью, и из-за неё донёлся короткий скрежет — будто кто-то по ту сторону провёл ногтем по стене. Лев опустил взгляд на замок. Старый механизм не был подключён ни к городской сети, ни к диспетчерскому пульту. Чтобы открыть его, требовались ключ и усилие, которого он не хотел прикладывать.

Он всё-таки повернул ключ до упора.

Замок щёлкнул. Дверь подалась внутрь, выпустив прохладный воздух с запахом пыли и антисептика.

За ней начиналась лестница. Узкая, металлическая, уходящая вниз в темноту. На стене висела табличка с выцветшей надписью: «Сектор временного сна». Слово «временного» кто-то обвёл карандашом дважды.

Лев включил фонарь. Луч скользнул по ступеням и выхватил внизу зелёный огонёк.

Он спустился.

Дверь за спиной закрылась сама. Щелчок замка прозвучал громче, чем должен был. Лев обернулся, но на панели не загорелось ни одного индикатора. Сектор по-прежнему числился пустым. Воздух здесь, однако, двигался — медленно, почти незаметно, как при спокойном дыхании.

Внизу оказался коридор с низким потолком. Кабели шли по стенам в металлических желобах, многие были перерезаны и убраны под заглушки. На полу виднелась жёлтая полоса, стёртая в середине. Она вела к двойным дверям с круглым смотровым окном.

За окном было светло.

Лев приложил ладонь к двери. На этот раз замок открылся от простого нажатия. Он ожидал сигнала тревоги, мигания красных ламп, хотя бы голоса диспетчера. Вместо этого услышал ровное шипение вентиляции.

Комната оказалась больше, чем позволяли предположить чертежи.

Вдоль стен стояли кресла с откинутыми спинками. В них лежали люди: мужчины и женщины, старики, подростки. Их укрывали одинаковыми серыми одеялами. На висках блестели датчики, тонкие провода уходили под подголовники. Лица были спокойны, почти безмятежны.

Ни одно не повернулось к открывшейся двери.

Лев шагнул внутрь и поднял фонарь. Яркий луч скользнул по ближайшему лицу. Зрачки не дрогнули. Он окликнул человека, коснулся его плеча, осторожно потряс.

Никакой реакции.

На соседнем мониторе бегали графики. Один показывал ровную линию, будто мозговая активность прекратилась. Другой уверенно сообщал: «Фаза быстрого сна». Третий отмечал всплески, похожие на бодрствование. В углу экрана мигал зелёный значок пульса.

Лев прислушался. Тишину нарушало только шипение вентиляции и мягкие щелчки приборов. Ни стонов, ни шёпота, ни скрипа кресла.

— Не трогайте датчики.

Голос прозвучал из-за ряда кресел. Лев резко развернулся.

Между аппаратами стояла женщина в старой медицинской форме. На рукаве сохранился выцветший знак городской службы сна. Она держала в одной руке переносную лампу, в другой — кружку с остывшим напитком. Волосы были собраны кое-как, под глазами залегли тёмные тени.

— Кто вы? — спросил Лев.

— Доктор Эйра Вель. А вы, судя по инструментам, пришли проверить, почему дверь стучит.

— Здесь есть люди.

— Да.

— В отчёте указано, что сектор не используется.

— В отчётах много чего указано.

Она произнесла это без насмешки. Скорее устало, будто слишком долго спорила с документами и перестала ждать, что они изменятся.

Лев снова посмотрел на кресла.

— Они все спят?

— Если бы это был обычный сон, мы бы не закрывали сектор.

— Тогда что с ними?

Эйра поставила кружку на тумбу.

— Они связаны одним циклом. Система удерживает их в общем сне и не позволяет сигналу выйти наружу.

— Каким сигналом?

— В официальных сообщениях это называется «заражением». Я не люблю это слово. Оно заставляет думать о болезни, которую можно вырезать или изолировать. Здесь всё сложнее. Их мозговые ритмы синхронизировались после сбоя на площади. Один за другим люди переставали реагировать на внешний мир. Потом начинали видеть одно и то же.

— И вы решили оставить их так?

— Я решила не дать этому распространиться.

Она не оправдывалась и не прятала взгляд. Лев увидел на её пальцах следы от медицинского пластыря, на воротнике — пятнышко от кофе. На тумбе рядом лежали раскрытые карты показателей, исписанные её мелким почерком.

— Сколько они здесь?

— Некоторые — одиннадцать лет. Других привезли позже. Автоматический транспортный шлюз продолжал работать после отключения сектора от сети. Мальчика привезли девять дней назад, после происшествия на площади.

Эйра кивнула на дальний ряд.

Мальчик был худым, лет десяти. Одеядо сползло к поясу, открывая футболку с выцветшим рисунком ракеты. Один шнурок на кроссовке развязался и свисал до пола. На его запястье кто-то нарисовал чёрным карандашом маленькую лестницу, ведущую к звёздам.

Лев узнал его по фотографии в сводке: Миро, участник инцидента на площади. В записи он стоял у отключённого музыкального столба, задрал голову к динамикам, и требовал выключить «чужой голос». На последнем кадре мальчик протягивал руку к решётке, словно собирався разобрать её прямо на месте.

На тумбочке у кресла лежал сложенный бумажный лист. Лев развернул его. На листе были нарисованы кресла, похожие на здешние, и линии, соединяющие их с потолком. Между линиями Миро изобразил дверь с большим круглым глазком.

Под рисунком было написано: «Если у всех один сон, кто из них его видит?»

— Он сам это нарисовал? — спросил Лев.

— До того, как погрузился. — Эйра помолчала. — Он попросил меня не выбрасывать лист. Потом спросил, можно ли разобрать потолочный динамик, чтобы узнать, кто шепчет. Он боится, но любопытство у него громче страха. Обычно так бывает с детьми.

Лев сложил рисунок и положил на место.

— Вы пытались их разбудить?

— Да. Свет, звук, боль, стимуляция. Я не оставляла их без помощи. — В её голосе впервые появилась резкость. — Каждый раз, когда я пыталась вывести одного человека из цикла, остальные отвечали всплеском. Мы не знаем, что случится, если выдернуть одного из общего сна. Не знаем, что будет, если открыть сектор городу.

Она показала на консоль в центре комнаты. На ней горел жёлтый знак изоляции.

— Система не удерживает их ради удобства, Лев. Она удерживает их потому, что другого способа защитить остальных мы не нашли.

Он хотел возразить, но заметил, как доктор посмотрела на Миро. Не как на неисправный узел или опасный источник сигнала. Как на ребёнка, которого она каждый день проверяла и каждый день не могла разбудить.

— Вы слышите их? — спросил Лев.

— Только показатели.

— А если подключить диагностику напрямую?

— К чему?

Лев достал из сумки небольшой прибор и кабель с гибким контактным кольцом. Устройство предназначалось для считывания внутренних импульсов старых систем. Он носил его с собой после первого обнаружения скрытого узла.

— К датчикам сна.

— Они не передают голос.

— Посмотрим.

— Если цикл ответит на подключение, показатели могут измениться.

— Значит, будем смотреть внимательно.

Эйра задержала на нём взгляд, словно решала, не станет ли он ещё одним человеком, которому придётся потом объяснять последствия. Затем отступила и указала на свободный разъём.

Лев закрепил контакт на панели. Надел наушники. На секунду услышал только собственное дыхание.

Потом — шорох.

В наушниках словно кто-то перелистывал бумагу. За шорохом проступили голоса. Слишком тихие, чтобы разобрать слова, но не похожие на помехи. Женщина повторяла: «Не закрывай окно». Мужчина звал кого-то по имени. Ребёнок считал, сбиваясь после семи. Все говорили одновременно, из разных глубин, будто каждый находился в своей комнате, а комнаты были соединены тонкими стенами.

Лев взглянул на экран. Графики колебались, но держались в пределах прежних значений.

Потом один из голосов произнёс:

— Лев.

Он сорвал наушники.

— Что? — спросила Эйра.

— Вы слышали?

— Нет.

Лев снова прижал наушники к ушам. На экране вспыхнула короткая отметка. Голос повторился, яснее:

— Лев.

Сердце ударило в грудь так сильно, что он невольно сжал прибор.

Это был голос его брата.

Не похожий. Не просто знакомый. Тот самый — немного хриплый после долгого дня, с тёплой насмешкой в конце фразы. Голос, который Лев не слышал много лет.

Когда они были маленькими, брат перед сном стучал костяшками пальцев по стене между кроватями. Три раза. Потом говорил: «Три стука: один — ночь, два — сон, три — я рядом». Лев верил, что эти слова удерживают темноту снаружи. Позже он перестал верить в темноту, но так и не перестал помнить голос.

Теперь тот же голос прозвучал в наушниках:

— Три стука: один — ночь, два — сон, три — я рядом.

Графики на консоли рванули вверх.

Эйра шагнула к приборам.

— Снимите наушники.

— Я снял.

— Вы подключили контур. Он изменил ритм.

По экранам прошла волна, от кресла к креслу. Зелёные линии на миг выровнялись. Несколько датчиков сменили цвет с жёлтого на белый.

Наушники зашипели.

— Лев, — снова позвал голос. — Ты слышишь?

Лев не ответил. Не потому, что не хотел. Он не мог понять, кто именно задавал вопрос.

Брат исчез, когда Лев был ребёнком. Официальная версия называла это несчастным случаем. Тела не нашли. Последнюю ночь перед исчезновением Лев помнил слишком хорошо: открытая дверь, пустая кровать и три удара, которые никто больше не повторил.

— Это может быть запись, — сказала Эйра. Она говорила медленно, стараясь не повышать голос. — Или система использует данные, которые нашла в вашем профиле. Такие совпадения бывают.

— В моём профиле нет этой фразы.

— Тогда это может быть ваш собственный отклик. Слух, память, ожидание.

— А может быть кто-то в этом сне.

— Да. Может быть. И именно поэтому я не открываю шлюз.

На центральной консоли появился новый сигнал: «НАРУШЕНИЕ СИНХРОНИЗАЦИИ». Под ним мигало предупреждение: «ВНЕШНИЙ КОНТУР НЕДОСТУПЕН».

Лев снял контактный кабель. Шорох в наушниках прекратился, но голос ещё несколько секунд звучал внутри него, как мелодия, от которой нельзя отделаться.

— Если оставить всё как есть, что будет с ними? — спросил он.

Эйра не сразу ответила.

— Я не знаю.

— А если открыть?

— Тоже не знаю.

— Но вы считаете, что хуже.

— Я считаю, что один общий сон нельзя просто выпустить в город. Он может перейти на другие системы. Люди начнут видеть то же самое. Мы не знаем, как далеко распространяется связь. Поэтому я держу шлюз закрытым.

Она говорила искренне. Лев видел это по тому, как крепко она держалась за край консоли. Она не охраняла правила. Она охраняла людей, которые могли стать следующими.

На экране над шлюзом медленно пульсировала надпись: «КАРАНТИН СТАБИЛЕН».

Лев посмотрел на Миров. Мальчик лежал неподвижно. Его бумажная карта на тумбочке показывала множество кресел, соединённых тонкими линиями. Он попытался нарисовать путь наружу, но не знал, где проходит граница между ними.

— Если бы это был ваш ребёнок, — сказал Лев, — вы бы хотели, чтобы его оставили здесь, потому что так безопаснее для остальных?

— Не задавайте вопрос, на который у меня нет ответа.

— Я не спрашиваю, что безопаснее для города. Я спрашиваю, что вы сделали бы для него. Эйра закрыла глаза. Когда открыла, усталость в её лице стала заметнее.

— Я сделала бы всё, чтобы он вернулся. И всё, чтобы не подвергнуть опасности других.

— Тогда мы оба должны услышать, что происходит, прежде чем решать за них.

— Вы думаете, шлюз даст им голос?

— Я думаю, что закрытая дверь не делает происходящее несуществующим.

Лев подошёл к ручному механизму. На крышке была выбита инструкция: «Открытие шлюза восстановит связь с городским контуром. Повторная изоляция возможна только после полного цикла синхронизации». Ниже красным предупреждали, что прерывание процедуры может повредить систему и сделать закрытие невозможным.

Он прочитал надпись дважды.

— Если я открою, назад уже не будет? — спросил он.

— Не сразу. Если контур начнёт передачу, обратный клапан не сработает до завершения цикла. А цикл может продолжаться неизвестно сколько.

— Значит, это не случайное решение.

— Нет, Лев. Это будет ваше решение.

Он повернул защитную крышку. Под ней оказалась рукоять с керамической пломбой. Лев мог оставить её на месте. Мог унести результаты, показать их диспетчерам, ждать разрешения. Мог поверить, что тишина равна безопасности.

Он посмотрел на неподвижные лица. На руку Миро, сжатую в складке одеяла. На лестницу, которую мальчик нарисовал на запястье, будто собирался выбраться из сна так же, как из комнаты.

Лев сломал пломбу.

Эйра не схватила его за руку. Она только шагнула к консоли и приготовилась следить за показателями.

Рукоять поддавалась тяжело, с сухим скрежетом. В стенах что-то переключилось. Шипение вентиляции стихло, затем вернулось уже другим звуком, более глубоким. Над дверями загорелись белые полосы.

На центральном экране надпись «КАРАНТИН СТАБИЛЕН» исчезла.

Появилось новое сообщение:

«ВНЕШНИЙ КОНТУР ПОДКЛЮЧЁН».

По комнате прокатилась едва ощутимая вибрация. Несколько графиков снова изменились. У одной женщины дрогнули ресницы. Мужчина в дальнем кресле вдохнул глубже. Миро не открыл глаз, но его пальцы медленно разжались.

Лев почувствовал облегчение — короткое, опасное. Он тут же понял, что оно ничего не доказывает. Они могли просыпаться. Могли отвечать на сигнал. Могли погружаться глубже. Но хотя бы теперь никто не принимал неподвижность за пустоту.

На консоли замигал внешний канал. В списке городских профилей появилась новая строка, которой прежде не было:

«НЕСИНХРОНИЗИРОВАННЫЙ УЗЕЛ. РЕБЁНОК. ДЕВЯТЬ ЛЕТ».

Лев открыл карточку.

В графе «Сновидения» стоял ноль.

Не за последнюю неделю. Не за последний месяц. Ноль за весь срок наблюдения.

Эйра прочла строку через его плечо.

— Кто это?

Лев не успел ответить. В наушниках, лежавших на консоли, тихо щёлкнуло.

Один раз.

Потом второй.

Третий удар пришёлся уже из нового сигнала.

Девочка, которой никогда не снилось

Третий щелчок прозвучал не в наушниках, а внутри консоли.

Лев отдернул руку. На экране проступила тонкая белая линия, будто кто-то провел мелом по темному стеклу. Она дрогнула, свернулась в петлю и исчезла.

— Это координаты? — спросила Эйра.

— Похоже. Или система пытается убедить нас, что у нее есть координаты.

Лев увеличил изображение. Внизу карточки ребенка, где по-прежнему значился ноль сновидений, открылся архивный адрес: Центр наблюдения за сном «Тихое утро». Запись о посещении повторялась раз в неделю, почти без пропусков, на протяжении четырех лет.

Эйра нахмурилась.

— Девять лет. И ее проверяли каждую неделю?

— Судя по журналу, на способность видеть сны.

— Как трогательно. Они проверяли, нет ли у ребенка того, что обычно происходит само собой.

Лев не ответил. Он уже открывал карту города. Центр находился в старом административном районе, недалеко от станции, где закрытый сектор был соединен с городским контуром. Между точкой на карте и станцией тянулась короткая линия, но диагностический сигнал шел не по ней. Он петлял под кварталами, исчезал в серой зоне и снова появлялся у входа в «Тихое утро».

Лев узнал значок, возникший на линии: незамкнутый квадрат с чертой, загнутой внутрь. Такой же знак несколько минут назад мелькнул в диагностических данных подавленного сигнала. Тогда он принял его за обозначение неисправного узла.

— Мы поедем туда, — сказал он.

— Разумеется, — сказала Эйра. — Дети с загадочным нулем в графе сновидений всегда лучше всего объясняются личным визитом.

— У тебя есть план лучше?

— Есть. Сначала поесть. Но я вижу, что ты уже мысленно запер себя в лифте.

Через двадцать минут они стояли перед стеклянными дверями центра. Над входом светила надпись «Тихое утро», а под ней мелкими буквами — «Условия спокойного развития». Здание выглядело не больницей и не школой, а местом, где обе эти вещи научились улыбаться одинаково.

Внутри пахло теплой пылью и очищенным воздухом. На стенах висели рисунки: солнце над домом, облако, синий кит, спящий ребенок с ладонями, сложенными на животе. Под каждым рисунком была ровная подпись печатными буквами.

Их встретила женщина в сером жилете. На бейдже значилось: «Селма, координатор сопровождения».

— Вы по поводу Ины? — спросила она, просмотрев данные Льва. — Она сейчас на занятии.

— Мы хотели бы поговорить с ней.

— Она не проходит лечение, если вас это беспокоит.

— Меня беспокоит, что в ее карточке стоит ноль за весь срок наблюдения, — сказал Лев.

— И что ее сигнал появился в городском контуре.

Селма чуть заметно напряглась.

— Ина не видит снов. Это подтверждено многократными проверками.

— А если проверка не умеет увидеть то, что происходит?

Женщина посмотрела на него внимательно, будто решала, не является ли этот вопрос новым способом пожаловаться на учреждение.

— Вы можете поговорить с ней, — сказала она наконец. — Но не обещайте ей, что сможете изменить ее статус. Она не любит обещаний.

— Она умная, — тихо заметила Эйра.

— Она девятилетняя, — ответила Селма. — Это не всегда одно и то же.

— К счастью, — сказала Эйра. — Взрослые давно бы нас разочаровали.

Селма не улыбнулась, но отвела их в комнату.

Ина сидела за низким столом спиной к двери. Она была маленькая, темноволосая, в зеленом свитере с одной растянутой манжетой. Перед ней лежал лист бумаги, испещренный тонкими линиями. Девочка не подняла головы, когда они вошли.

— Это Лев и Эйра, — сказала Селма. — Они хотят задать тебе несколько вопросов.

— Взрослые всегда хотят задать несколько вопросов, — произнесла Ина. — Потом оказывается, что вопросов было много, а отвечать надо было правильно.

Селма вздохнула.

— Я буду в коридоре.

— Это значит, что вы будете слушать у двери?

— Это значит, что я буду в коридоре.

Ина наконец обернулась. Глаза у нее были внимательные и усталые, как у человека, который уже видел, чем кончается большинство разговоров.

Лев опустился на стул, стараясь не нависать над ней.

— Я Лев. Это Эйра. Мы нашли твою карточку в городском контуре.

— Значит, вы нашли ноль.

— Да.

— Ноль не очень интересно. Он ничего не рассказывает.

— Ты никогда не видела снов? — спросила Эйра.

— Нет.

— А тебе это мешает?

Ина пожала плечами.

— Мне мешает, когда меня будят, чтобы спросить, что мне снилось.

Лев заметил на столе маленькую металлическую пластинку с мягкой дугой для лба. Подобными пластинками в центре, видимо, снимали показатели сна.

— Проверки бывают каждую неделю? — спросил он.

— По пятницам. Сначала надевают это. Потом говорят: «Спи спокойно». Потом будят и спрашивают, что я видела. Если отвечаю «ничего», они записывают «отсутствие визуальных образов». Если отвечаю «не помню», записывают «затруднение воспроизведения». Один раз я сказала, что видела рыбу в сапоге.

— Что записали? — спросила Эйра.

— «Повышенная фантазийная активность». Рыба была хорошая. Сапог тоже.

Эйра улыбнулась.

— А ты правда видела рыбу?

— Нет. Я хотела проверить, какая запись получится. Теперь я знаю.

Ина говорила без горечи, но каждое слово ставила на стол, как мелкую деталь из разобранного механизма. Лев посмотрел на ее рисунок.

— Ты это нарисовала сегодня?

— Нет. Рисунки я делаю, когда мне скучно.

— Что на них изображено?

— Места.

— Какие именно?

— Те, которых нет на карте.

Лев почувствовал, как в нем просыпается привычный порядок вопросов. Когда началось? Как часто? Есть ли связь со звуком? Он уже мысленно раскладывал ее ответы по графам: особенности восприятия, пространственное воображение, следствие сенсорной депривации.

— Ты воспринимаешь эти места во время бодрствования или в измененном состоянии сознания? — спросил он.

Ина прищурилась.

— Вы уже чините меня?

— Нет. Я пытаюсь понять.

— Это одно и то же, если вы сначала решаете, что я сломалась.

Лев замолчал. В комнате тихо гудела вентиляция. За стеной кто-то передвигал стул.

— Ты права, — сказал он. — Я поспешил. Расскажи, как ты сама это понимаешь.

Ина несколько секунд смотрела на него, словно проверяла, не спрятана ли за этой фразой ловушка.

— Ночью здесь слышно, как воздух идет по стенам, — сказала она. — У разных стен звук разный. В коридоре он ровный. В комнате для проверок дрожит. Иногда из-за вентиляции доносится стук. Три раза. Потом пауза. Я рисую, где он меняется.

— Ты строишь карту по звукам?

— Не совсем. Я рисую так, как оно ощущается. Если звук идет далеко, линия длинная. Если рядом, короткая. Тут не все в правильном масштабе.

— Значит, это не точная карта.

— Для вас, может, и нет.

Она подтянула лист к себе и закрыла часть рисунка ладонью.

— Ты нарисовала эту линию сегодня? — спросил Лев, показывая на маленький незамкнутый квадрат с чертой внутри. Тот самый знак.

Ина резко подняла глаза.

— Откуда вы его знаете?

— Я видел его в диагностических данных.

— Где?

— В сигнале, который пришел из закрытого сектора.

— Он там тоже стучит?

— Не знаю.

— Тогда зачем вы его искали?

Лев снова чуть было не ответил техническим объяснением, но остановился.

— Потому что мне показалось, что он обозначает путь. А теперь я хочу понять, что он значит для тебя.

Ина медленно убрала руку с листа.

— Это дверь.

— Ты ее видела?

— Нет. Я слышу, что за ней звук другой.

— Где она находится?

— Не знаю. Там, где станция заканчивается и начинается то, что на вашей карте не нарисовано.

Эйра посмотрела на Льва. Он открыл на планшете техническую схему ближайшей станции.

— Можно посмотреть твой рисунок рядом с планом?

— Можно. Но если вы скажете, что я ошиблась в масштабе, я заберу лист.

— Справедливо.

Ина достала из-под стола еще несколько листов. Они были испещрены коридорами, кругами и короткими штрихами. На одном повторялся знак двери. На другом длинная линия раздваивалась у трех маленьких кружков. На третьем коридор обрывался на пустом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.